

Михаил Кузмин

**Стихотворения, не вошедшие
в прижизненные сборники**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К89

К89 **Кузмин М.**
Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники / Михаил Кузмин –
М.: Книга по Требованию, 2012. – 80 с.

ISBN 978-5-4241-3300-8

Михаил Алексеевич Кузмин - поэт, прозаик, переводчик, видная фигура
"Серебряного века".

Художественная манера Михаила Кузмина своеобразна, артистична, а
творчество пронизано искренним поэтическим чувством.

ISBN 978-5-4241-3300-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Кузмин Михаил
Стихотворения, не вошедшие в
прижизненные сборники

Михаил Кузмин

Стихотворения, не вошедшие в прижизненные сборники

561

Лодка тихо скользила по глади зеркальной,
В волнах тумана серебристых задумчиво тая.
Бледное солнце смотрело на берег печальный,
Сосны и ели дремотно стояли, мечтая.
Белые гряды песку лежат молчаливо,
Белые воды сливаются с белым туманом,
Лодка тонет в тумане, качаясь сонливо,
Кажется лодка, и воды, и небо - обманом.
Солнца сиянье окутано нежностью пара,
Сосны и ели обвеяны бледностью света,
Солнце далеко от пышного летнего жара,
Сосны и ели далеки от жаркого лета.

562. АПУЛЕЙ

Бледное солнце осеннего вечера;
Грядки левкоев в саду затворенном;
Слышатся флейты в доме, озаренном
Солнцем осенним бледного вечера;
Первые звезды мерцают над городом;
Песни матросов на улицах темных,
Двери гостиниц полуотворенных;
Звезды горят над темнеющим городом.
Тихо проходят в толпе незаметные
Божьи пророки высот потаенных;
Юноши ждут у дверей отворенных,
Чтобы пришли толпе не заметные.
Пестрый рассказ глубины опьяняющей,
Нежная смерть среди роз отцветающих,
Ты - мистагог всех богов единящий,
Смерть Антиноя от грусти томящей,
Ты и познание, ты и сомнение,
Вечно враждующих ты примирение,
Нежность улыбки и плач погребальный,
Свежее утро и вечер печальный.

1902

563-575. ТРИНАДЦАТЬ СОНЕТОВ

Посвящается А. Б

1

(Вступительный)

Меня влекут чудесные сказанья,
Народный шум на старых площадях,
Ряд кораблей на дремлющих морях
И блеск парчи в изгибах одеянья.
Неясные и странные желанья...
Учитель сторбленный, весь в седилах,

И рядом - отрок с тайною в глазах...
В тени соборов дремлют изваянья...
В каналах узких отблески огней,
Звук лютни, пенье, смех под черной маской,
Стук шпага, повсюду кровь... свет фонарей...
Ряд дам, мечтающих над старой сказкой...
Глаза глядят внимательно и нежно,
А сердце бьется смутно и мятежно.

2

Открыто царское письмо нельзя прочесть,
Но лишь поднести его к свече горячей
Увидишь ясно из бумаги спящей
Ряд слов, несущих царственную весть.
Бывает нужно правду с ложью сплести,
Пустые речи с истиной гласящей,
Чтобы не мог слуга неподходящий
Те думы царские врагу донести.
Моя душа есть царское письмо,
Закрыто всем, незначаще иль лживо.
Лишь тот прочтет, кому прочесть дано,
Кому гонец приносит бережливо.
От пламени любви печати тают
И знаки роковые выступают.

3

В густом лесу мы дождь пережидали,
По колеям бежали ручейки,
Был слышен шум вздымавшейся реки,
Но солнце виделось уж в ясной дали.
Под толстым дубом мы вдвоем стояли,
Широким рукавом твоей руки
Я чуть касался - большей нет тоски
Для сердца, чуткого к такой печали.
К одной коре щекой мы прижимались,
Но ствол меж нами был (ревнивый страж).
Минуты те не долго продолжались,
Но сердце потерял я вмиг тогда ж
И понял, что с тобой я неразделен,
А солнце так блестит, а лес так зелен!

4

Запел петух, таинственный предвестник,
Сторожкий пес залаял на луну
Я все читал, не отходя ко сну,
Но все не приходил желанный вестник...
Лишь ты, печаль, испытанный наперсник,
Тихонько подошла к тому окну,
Где я сидел. Тебя ль я ждал одну,
Пустынной ночи сумрачный наместник?

Но ты, печаль, мне радость принесла,
Знакомый образ вдруг очам явила
И бледным светом сердце мне зажгла,
И одиночество мне стало мило
Зеленоватые глаза с открытым взглядом
Мозжечек каждый мне налили ядом...

5

В романе старом мы с тобой читали
(Зовется он "Озерный Ланселот"),
Что есть страна под ровной гладью вод,
Которой люди даже не видали.
Лишь старики от прадедов слышали,
Что там живет особый, свой народ,
Что там есть стены, башни, ряд ворот,
Крутые горы, гаснущие дали...
Печали сердца, тающая сладость
Так крепко скрыты от людских очей,
Что им не видны ни печаль, ни радость,
Ни пламень трепетной души моей
И кажется спокойной моря гладь
Там, где пучин должно бы избегать.

6

Есть зверь норок, живет он в глуби моря,
Он мал, невидим, но когда плывет
Корабль по морю - зверь ко дну прильнет
И не пускает дальше, с ветром споря.
Для мореходцев большего нет горя,
Как потерять богатство и почет,
А сердце мне любовь теперь гнетет
И крепко держит, старой басне вторя.
Свободный дух полет свой задержал,
Упали смирно сложенные крылья,
Лишь только взор твой на меня упал
Без всякого страданья и усилия.
Твой светлый взгляд, волнующий и ясный,
Есть тот норок незримый, но всевластный.

7

В Кремоне скрипку некогда разбили
И склеили; бездушный, тусклый звук
Преобразился в нежный, полный вдруг,
И струны, как уста, заговорили.
Любовь и скорбь в тех звуках слышны были,
Рожденных опытностью властных рук,
Мечты, и страсть, и трепетный испуг
В сердцах замороженных пробудили.
Моя душа была тиха, спокойна,
Счастлива счастьем мертвым и глухим.

Теперь она мятется, беспокойна,
И стынет ум, огнем любви палим.
Воскресшая, она звенит, трепещет,
И скорбь безумная в ней дико блещет.

8

С прогулки поздней вместе возвращаясь,
Мы на гору взошли; пред нами был
Тот городок, что стал мне нежно мил,
Где счастлив я так был, с тобой встречаясь.
И, неохотно с лесом расставаясь,
Когда уж вечер тихо подступил
(Тот теплый вечер - дорог и уныл),
Мы стали оба, медленно прощаясь.
И ноги как в колодках тяжелели,
Идя различною с тобой тропой,
И все в уме слова твои звенели,
Я как скупец их уносил с собой,
Чтоб каждый слог незначащей той речи
Меня питал до новой дальней встречи.

9

Пусть месяц молодой мне слева светит,
Пускай цветок последним лепестком
Мне "нет" твердит на языке немом
Я знаю, что твой взор меня приметит.
Колдунья мне так ясно не ответит
Своими чарами и волшебством,
Когда спрошу о счастья я своем,
И звуков счастья слепо не заметит.
Пусть "чет иль нечет" мне сулит несчастье,
Пусть смутный сон грозит бедою злой,
Пусть, загадавши ведро иль ненастье,
Обманут встану хитрою судьбой.
Пусть все про нелюбовь твердит всегда
Твоя улыбка говорит мне "да".

10

Из глубины земли источник бьет.
Его художник опытной рукою,
Украшив хитро чашей золотою,
Преобразил в шумящий водомет.
Из тьмы струя, свершая свой полет,
Спадает в чашу звучных капль толпою,
И золотится радужной игрою,
И чаша та таинственно поет.
В глубь сердца скорбь ударила меня,
И громкий крик мой к небу простирался,
Коснулся неба, радужно распался
И в чашу чудную упал звеня.

Мне петь велит любви лишь сладкий яд
Но в счастья уста мои молчат.

11

От горести не видел я галеры,
Когда она, качаясь, отплыла;
Вся та толпа незрима мне была,
И скорбь была сверх силы и сверх меры.
Страдали так лишь мученики веры:
Неугасимо в них любовь жила,
Когда терзала их железная пила,
Жрал рыжий лев иль пестрые пантеры.
Всегда с тобой душою, сердцем, думой
Я, рассеченный, за тобой плыву,
А телом - здесь, печальный и угрюмый,
И это все не сон, а наяву.
Из всей толпы улыбка лишь твоя
С галеры той светилась для меня.

12

Все так же солнце всходит и заходит,
На площадях все тот же шум и гам,
Легка все так же поступь стройных дам
И день сегодня на вчера походит.
Раздумье часто на меня находит:
Как может жизнь идти по колеям,
Когда моя любовь, когда я сам
В разлуке тяжелой, смерть же не приходит?
Вы, дамы милые, без сердца, что ли?
Как вы гуляете, спокойны и ясны,
Когда я плачу без ума, без воли,
Сквозь плач гляжу на нежный блеск весны?
Ты, солнце красное, зачем всходило,
Когда далеко все, что было мило?

13

Моя печаль сверх меры и границ;
Я так подавлен мыслью об утрате,
Как каторжник в холодном каземате,
Наполненном двухвосток и мокриц.
Как труп бездушный, падаю я ниц,
И грезятся мечтанья о возврате,
Как будто в тусклом розовом закате
Иль в отблеске стухающих зарниц.
Увижу ль я тебя, мой друг желанный,
Ряд долгих зимних дней мечтой прожив?
Придет ли ясный день, так долго жданный,
Когда весна несет любви прилив?
Когда с цветов струятся ароматы,
Увидишь ли, увидишь ли меня ты?

Лето-осень 1903

576. РЕКИ

Реки вы, реки, веселые реки,
С вами расстаться я должен навеки.
Горы высокие, снежные дали,
Лучше б глаза мои вас не видали!
Сердце взманили зарею багряной,
Душу мне сделали гордой и пьяной.
Чаща лесная, ручей безыменный
Вот где темница для страсти надменной.
Страсти надменной, упорной и пьяной,
Бурно стремящейся к воле багряной.
Но не поверю, чтоб вновь не видали
Очи мои лучезарной той дали.
В тесный ручей я уйду не навеки,
Снова вернусь к вам, веселые реки.

1904

577

Пришли ко мне странники из пустыни,
Пришли ко мне гости сегодня,
Они были вестники благостыни
И вестники гнева Господня.
И сели под дубом мы в тень у дома,
Чтоб им отдохнуть от скитаний,
И в лицах читал я их казнь Содомы
За дерзость ярых желаний.
"Не снесть, - подумал я, - жителям града,
Не снесть красоты лучистой;
Какая безумцам грозит награда,
Когда любовь будет нечистой?
Напрасно Лот дочерей предложит
Ему самому пригодятся.
Огню же, что мозг их и кости гложет,
От ангелов только уняться".
Молил я ангелов о прощеньи,
И благостны были их лица,
Но чем лучезарней будет явление,
Яснее тем гнева зарницы.
Я утром, предчувствуя страх и горе,
Взглянул на соседей долину.
Сквозь дым на рассвете блестело море,
Блестело оно к Еглаину.
На месте, где были дома с садами,
Лишь волны спокойно плещут,
Да птицы, высоко летя стадами,
От солнца невидного блещут.

1904

578-586. ХАРИКЛ ИЗ МИЛЕТА

1

В ранний утра час покидал Милет я.
Тихо было все, ветерок попутный
Помощь нам сулил, надувая парус,
В плаваньи дальнем.
Город мой, прощай! Не увижу долго
Я садов твоих, побережий дальних,
Самоса вдали, голубых заливов,
Отчего дома.
Круг друзей своих покидаю милых,
В дальний, чуждый край направляю путь свой,
Бури, моря глубь - не преграда ждущим
Сладкой свободы.
Как зари приход, как маяк высокий,
Как костер вдали среди ночи темной,
Так меня влечет через волны моря
Рим семихолмный.

2

Тихо в прохладном дому у философа Манлия Руфа,
Сад - до тибурских ворот.
Розы там в полном цвету, гиацинты, нарциссы и
мята,
Скрытый журчит водомет.
В комнатах окна на юг (на все лето он Рим
покидает),
Трапеза окнами в сад.
Часто заходят к нему из сената степенные мужи,
Мудрые речи ведут!
Часто совета спросить забегают и юноши к Руфу:
Он - как оракул для них.
Галлий - знаток красоты; от раба до последней
безделки
Все - совершенство в дому,
Лучше же нет его книг, что за праздник
пытливому духу!
Вечно бы книги читал!
Ласков Манлий со мной, но без крайности,
без излишней:
Сдержанность мудрым идет.

3

Я белым камнем этот день отмечу.
Мы были в цирке и пришли уж поздно:
На всех ступенях зрители теснились.
С трудом пробились с Манлием мы к месту.
Все были налицо: сенат, весталки;
Лишь место Кесаря еще пустело.

И, озирая пестрые ступени,
Двух мужей я заметил, их глаза
Меня остановили... я не помню:
Один из них был, кажется, постарше
И так смотрел, как заклинатель змей,
Глаз не сводил он с юноши, тихонько,
Неслышно говоря и улыбаясь...
А тот смотрел, как будто созерцая
Незримое другим, и улыбался...
Казалось, их соединяла тайна...
И я спросил у Манлия: "Кто эти? "
- Орозий-маг с учеником; их в Риме
Все знают, даже задавать смешно
Подобные вопросы... тише... цезарь.
Что будет, что начнется, я не знаю,
Но белым камнем я тот день отметил.

4

С чем сравню я тебя, тайной любви огонь?
Ты стрела из цветов, сладкую боль с собой
Нам всегда ты несешь; ты паутины сеть,
Льву ее разорвать нельзя.
Аргус ты и слепец, пламя и холод ты,
Кроткий, нежный тиран, мудрость безумья ты,
Ты - здоровье больных, буря спокойная,
Ты - искатель цветных камней.
Тихо все в глубине; сердце как спит у нас:
Эрос, меткий стрелок, сердце пронзит стрелой
Славно луч заблестит алой зари дневной.
Мрак ночной далеко уйдет.
Все сияет для нас, блеском залито все,
Как у лиры струна, сердце забьется вдруг,
Будто факел зажгли в царском хранилище,
Мрак пещеры убит огнем.
Эрос, факел святой, мрак разогнал ты нам,
Эрос, мудрый стрелок, смерть и отраду шлешь,
Эрос, зодчий-хитрец, храмы созиждешь ты,
Ты - искатель цветных камней.

5

Я к магу шел, предчувствием томим.
Был вечер, быстро шел я вдоль домов,
В квартал далекий торопясь до ночи.
Не видел я, не слышал ничего,
Весь поглощенный близостью свиданья.
У входа в дом на цепи были львы,
Их сдерживал немой слуга; в покоях
Все было тихо, сумрачно и странно;
Блестела медь зеркал, в жаровне угли